

Любовь Бевзенко

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии
Института социологии НАНУ

Lyuba Bevzenko

Doctor of Social Sciences, Senior Research Fellow,
Department of Social Psychology, Institute of Sociology of NASU

СОЦИАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье проанализирована проблема регуляции социального поведения с точки зрения социосамоорганизационного подхода, в рамках которого выделяется два механизма социальных изменений – самоорганизационный и организационный. Показано, что регулятивный эффект этих механизмов зависит от степени стабильности социальной системы. Использование понятия «социальная энтропия» позволяет описать различные состояния социальной системы: стабильность, нестабильность первого рода и нестабильность второго рода. Доказано, что только в случае нестабильности первого рода возможно успешное сочетание двух названных механизмов регуляции с целью обеспечения эволюционного развития общества.

Ключевые слова: организационный и самоорганизационный механизмы социальных изменений, регуляция социального поведения, типы социальной нестабильности, социальная энтропия, социальная бифуркация.

The article proposes to consider the problem of regulation of social behavior in terms of social self-organization approach, in which two mechanisms of social change are distinguished - self-organizational and organizational. It is shown that the regulatory effect of these mechanisms depends on the degree of stability of the social system. The concept of social entropy allows to describe different states of social system: stability, instability of the first kind and instability of the second kind. It is proved that only in the case of instability of the first kind it is possible to combine these two mechanisms of regulation in order to ensure evolutionary way of development of society.

Keywords: organizational and self-organizational mechanisms of social change, the regulation of social behavior, the types of social instability, social entropy, social bifurcation.

У статті проаналізовано проблему регуляції соціальної поведінки з точки зору соціосамоорганізаційного підходу, в рамках якого виділяються два механізми соціальних змін – самоорганізаційний і організаційний. Показано, що регулятивний ефект цих механізмів залежить від ступеня стабільності соціальної системи. Використання поняття «соціальна ентропія» дозволяє описати різноманітні стани соціальної системи: стабільність, нестабільність першого роду та нестабільність другого роду. Доведено, той факт, що тільки у випадку нестабільності першого роду можлива успішна комбінація двох названих механізмів регуляції з метою забезпечення еволюційного розвитку суспільства.

Ключові слова: організаційний та самоорганізаційний механізми соціальних змін, регуляція соціальної поведінки, типи соціальної нестабільності, соціальна ентропія, соціальна бифуркація.

Вопрос о механизмах регуляции социального поведения всегда был интригующим для социологии как с точки зрения теоретического видения, так и с точки зрения тех практических выводов, которые теоретическое осмыс-

ление данной проблемы может продиктовать. С появлением такого понятия, как «социальные технологии», этот вопрос приобретает еще большую актуальность и практическую значимость. С особой остротой анализируе-

мая проблема встает в ситуации социального кризиса, переломных моментов социальной истории, когда оказываются малоэффективными регулятивные воздействия, практикуемые в стабильных социальных условиях.

Целью данной статьи является демонстрация эвристических возможностей социосаморганзационного подхода в моделировании процессов социальных изменений, особенно в условиях кризисных, переломных моментов в развитии общества, а также анализ отличий механизмов регуляции социального поведения в стабильном и кризисном социуме.

Под *регуляцией социального поведения* мы будем понимать возможность тем или иным способом корректировать поведение социальных акторов на микро-, мезо- или даже макроуровне с целью сохранения или *восстановления социального порядка*. Под последним, в свою очередь, будем понимать наличие относительной согласованности, когерентности, предсказуемости в поведении этих акторов, что делает – снова-таки относительно – прогнозируемой ситуацию в обществе в целом.

Предлагая *теоретические основания* для ответа на этот вопрос о механизмах регуляции социального поведения, мы будем исходить из тезиса о том, что разговор об этих механизмах и их эффективности существенно зависит от того, говорим ли мы о регуляции в рамках стабильного социума (сохранение порядка), или же речь идет о регуляции в ситуации нестабильных кризисных общественных состояний (восстановление старого порядка или становление новой социальной упорядоченности).

С нашей точки зрения, все вопросы, связанные с кризисными, нестабильными, хаотичными или даже катастрофическими системными состояниями, наиболее адекватно описываются в рамках тех теоретических моделей социальной динамики, которые основываются на представлении о социальных процессах, подчиняющихся закономерностям, присущим *нелинейным системным объектам*. Этот достаточно абстрактно очерченный методологический выбор диктует многие последующие концептуальные предложения и логические заключения.

Социологическая адаптация общенаучного нелинейного подхода к системным процессам, в основании которого лежат работы И. Пригожина [1], Г. Хаккена [2], С. Курдюмова [3]) и который можно назвать нелинейным этапом в масштабном проекте системных исследований, позволяет сделать ряд нетривиальных уточнений, касающихся давно работающих в социологии понятий и концептов. Некоторые из них будут предложены ниже.

Главная идея, связанная с нелинейным подходом в его самом общем варианте и спо-

собная плодотворно работать на поставленную проблему социальной регуляции, заключается в рассмотрении процессов социальной динамики как результата наложения действия *организационных и самоорганизационных механизмов социальных изменений*. Используя регулятивные рычаги, основанные на этих двух механизмах, можно выстраивать стратегии регуляции социального поведения – как на микроуровне (отдельные индивиды), так и на мезо- и макроуровне (группы и общество в целом). Главный вопрос – от чего зависит успешность такого использования? Когда эти механизмы могут эффективно работать на удержание, восстановление или изменение социального порядка, а когда – способны углублять и провоцировать социальную дезорганизацию?

Суть названных механизмов состоит в следующем. *Организационные механизмы* – это то, что связано с рационально выстроенными проектами, они опираются на конкретные цели и пошаговые планы, имеют конкретного социального субъекта в то время, как социальная самоорганизация, *самоорганизационные механизмы* представляет собой как бы собственную активность социальной системы, ее внутреннюю глубинную спонтанную тектонику. Самоорганизационные механизмы нельзя спроектировать, но можно эффективно использовать в регулятивных целях при условии знания того, как они работают и как их проявление выглядит на социальной поверхности.

На основании реконструкции *самоорганизационно возникающих социальных структур* путем движения от абстрактных схем нелинейной динамики к конкретным проявлениям процессов самоорганизации в социальной среде нами было установлено, что в основе самоорганизационно возникающих социальных порядков (социальных структур, представляющих эти порядки на социальном ландшафте) лежат *социальный миф и социальная игра* [4].

Основываясь на рассматриваемом подходе, мы будем утверждать, что основную, *базисную роль* в образовании и удержании общего социального порядка играют *самоорганизационные механизмы*. Организационные механизмы могут работать эффективно только при условии опоры на знание законов самоорганизации. В противном случае, порождаемые организационно проекты будут разрушаться и оставаться нереализованными в силу все той же внутренней активности среды, в данном случае работающей на сопротивление. В случае же построения организационных проектов с опорой на указанные законы достижение цели возможно за счет приложения небольших, но верно направленных усилий. Ниже

наше внимание будет направлено именно на механизмы самоорганизационного типа.

Важно обратить внимание на то, что *именно согласовывается, упорядочивается* под действием этих двух механизмов. Организационные порядки присутствуют на уровне согласованности действий и внешних поведенческих проявлений, самоорганизационные – на уровне желаний и глубинных мотиваций. Иными словами, организационный порядок – это скоординированность, согласованность жестов, поведенческих актов, слов, но не обязательно желаний и мотиваций, стоящих за этими жестами. Самоорганизационный – согласованность желаний и мотиваций. При этом могут наблюдаться помехи на пути их осуществления в жестах, словах и поведении. Последнее обстоятельство объясняет, почему самоорганизационная упорядоченность является базисной и опора на нее дает устойчивость порядкам организационным.

Процесс поддержания этих порядков тоже существенно различается. Приказ, закон, план, регламент, договор, поверхностная мотивация, сформированная конечной целью, результатом – все это дает согласованность организационную, организационный порядок. Опора на формальный закон, внешний контроль лежат в основе поддержания такого порядка. Миф, игра дают поддержку и устойчивость самоорганизационному порядку за счет постоянно воспроизводимой притягательности самого процесса, мотивированности процессом и желанием в нем участвовать здесь и сейчас. Такая мотивация существенно отличается от мотивации целью и не требует практически внешнего контроля. Более того, внешними усилиями бывает сложно вырвать человека из этих порядков (пример – детские игры, религиозные общины, любые сообщества друзей).

Конечно, современное общество более узнаваемо в тех описаниях, где речь идет о порядках организационных, но *действенность этих двух механизмов* существенно различна в случаях, когда мы рассматриваем стабильные и нестабильные состояния общества. Об этом мы и поведем разговор, апеллируя к заявленным нелинейным представлениям.

Первым важным понятием уточнением в рамках избранного класса социальных моделей будет *уточнение самого понимания стабильных – нестабильных* состояний социальной системы. Вместо привычных стабильность-нестабильность, нелинейная теоретическая рамка требует выделения трех качественно разных системных состояний. Это: состояния реально стабильные, состояния нестабильности первого рода (которые часто тоже квалифицируются как стабильные) и состояния нестабильности второго рода, кото-

рые и в самом деле достойны того, чтобы их так обозначать. Различение названных состояний вводится по признаку меры устойчивости системного порядка.

Конструктивно подойти к вопросу устойчивости-неустойчивости нелинейной системы можно с помощью понятия «системная энтропия», означающего меру системного хаоса (беспорядка). В нашем случае речь идет о *системной социальной энтропии*.

Поскольку выше мы говорили о двух типах порядков, то логично говорить и о *двух типах энтропии*, относящихся к порядку организационному и самоорганизационному. И это очень важный момент, часто ведущий ко многим теоретическим и практическим заблуждениям. Часто социум, кажущийся вполне упорядоченным и стабильным, вдруг резко скатывается в хаос, что выглядит неожиданно и непредсказуемо. Но в таком случае можно утверждать – стабильность была организационная, на самоорганизационном уровне наблюдался рост энтропии, что и вылилось в быструю хаотизацию, прорвавшуюся сквозь оболочку организационного порядка. Эти примеры хорошо просматриваются на тоталитарных обществах, которые взрываются неожиданно для внешних наблюдателей. Происходит это тогда, когда порядок на уровне поведения (организационный) еще как-то присутствует, а вот на уровне мотиваций и желаний (самоорганизационный) все более ослабляется.

Ниже мы будем *говорить о самоорганизационном порядке* и, соответственно, об энтропии, ему соответствующей. Причину такого предпочтительного внимания мы оговорили выше – самотектоника системы заложена именно здесь, и в случае отсутствия баланса между организацией и самоорганизацией ответственность за системный порядок берет на себя последняя. И здесь положительные ассоциации, связанные со словом «порядок», далеко не всегда могут быть оправданными. Это никак напрямую не связано с этикой, моралью и благом. Это связано только с предсказуемостью, устойчивостью и наличием согласованности. Здесь криминальный порядок-тоже порядок, устойчивость и самовоспроизводимость таких структур хорошо известна.

В первом приближении *суть понятия «социальная энтропия»* можно описать следующим образом: на макроуровне это понятие призвано отражать меру несвязанности между членами социума, меру непрочности социальной ткани, если допустимо такое образное выражение. На микроуровне это понятие фиксирует меру несогласованности повседневных практик членов общества. Что важно, речь идет о непринудительной, добро-

вольной согласованности, той, что возникает, как сказал бы П. Бурдьё, на уровне габитуса, уровне нерелексивном, опривыченном в повседневных практиках [5]. При низкой энтропии общества мы имеем высокий уровень когерентности повседневных практик, высокий уровень социальной упорядоченности, соответственно, высокая социальная энтропия дает на социальной поверхности картину несогласованности, хаоса, неупорядоченности, разрывы и хаотизацию повседневности.

В социологии на данный момент нет прямых *понятийных аналогов* понятию «социальная энтропия», хотя переключка здесь имеется со многими понятиями. Можно сказать, что есть *целый понятийный круг*, который легко проецируется на данное понятие. К этому кругу относятся: доверие, солидарность, интегрированность, коллективность как понятия, указывающие на увеличение социальной связанности, а, значит, уменьшение энтропии. Дружба, любовь, все ценности, с этим связанные, тоже из числа этих понятий. С другой стороны, неравенство, аномия, свобода, маргинальность, конкурентность – эти и многие другие понятия указывают на ослабление социальной ткани, а, значит, говорят о росте энтропии. Как видно из данного списка, нельзя однозначно оценить, что хорошо для общества – высокая или низкая энтропия. Все, как всегда, хорошо в меру. Вопросу этой меры мы посвятим ниже основное внимание.

Что касается перечисленных понятий и их связи с социальной энтропией, то важно отметить, что такая связь позволяет обнаружить, каким образом явления, обозначаемые этими понятиями, влияют на процессы социальной динамики. Такие выводы можно сделать в силу того, что в предлагаемой самоорганизационной модели социальных изменений *понятие «энтропия» является основной динамической характеристикой социальной системы*. В результате, например, может быть обоснована парадоксальная связь между свободой и социальной дезорганизацией в том смысле, что рост свободы ведет к росту энтропии и дезорганизации. Но, как это будет показано ниже, дезорганизация не является однозначно негативной характеристикой состояния общества.

У понятия «энтропия» есть *несколько очень важных назначений*. Во-первых, это задача отражать *связь между системным порядком и хаосом*: не случайно, согласно наиболее распространенной дефиниции, энтропия – это мера системного хаоса. Но для нас важным является и другое назначение этого понятия – способность органично *связывать микро- и макроуровни системы*, в нашем случае – социальной системы. Сказанное выше

о связи энтропии всего общества (макроуровень) с картиной, наблюдаемой на уровне повседневных практик (микроуровень), как раз касается именно этого момента.

Ниже, отталкиваясь от понятия «социальная энтропия», мы рассмотрим анонсированные выше состояния стабильности-нестабильности на макроуровне, не забывая в каждом случае посмотреть на ситуацию в ее повседневном микросреде.

Для продуктивного использования понятия социальной энтропии нам понадобится еще одно понятие – «*энтропийный коридор*». Оно указывает на диапазон энтропийных показателей, диапазон допустимых колебаний меры социального хаоса, в рамках которого социальная нестабильность в действительности таковой не выглядит. При всех колебаниях, локальных возмущениях социального порядка система, находясь в рамках энтропийного коридора, демонстрирует способность сохранять гомеостазис, относительную самождественность, казаться стабильной.

Дадим *количественное определение* понятия «энтропийный коридор», хотя подчеркнем, что приводимые цифры очень условны. Их назначение – образно представить смысловую сторону вопроса. *Энтропийный коридор* легко представить, попробовав на условной числовой оси отметить ограничивающие данный коридор точки. Если нулевая отметка означает нулевую энтропию, полный системный порядок, а отметка «единица» означает максимальную энтропию и полное системное разрушение, то две точки, которые условно находятся на отметке 0,2 и 0,4, как раз и очерчивают границы этого коридора. В этих построениях я опираюсь на результаты двух российских ученых – Е. Седова [6,7,8] и А. Давыдова [9,10]. В работах Е. Седова есть доводы, касающиеся принципиального существования такого коридора и его границы на уровне 0,2. Что касается другой границы, то ее количественное представление выглядит достаточно дискуссионным. Е. Седов указывает лишь на ее существование. Границу 0,4, а, точнее, 0,38 я поставила, опираясь на работы А. Давыдова, посвященные использованию идеи золотого сечения в социологических моделях. А. Давыдов говорит о напряженности социума на уровне 0,38 общей неудовлетворенности как о взрывоопасной. Но этот момент требует более глубокой проработки. Что можно утверждать с определенностью, то это сам факт наличия таких существенных моментов в жизни социальной системы, связанных с мерой социальной энтропии.

Хотя приведенные цифры, как я сказала, являются приблизительными и условными, они позволят нам отчетливо представить качественную разницу (уровень энтропии) между систем-

ными состояниями, связанными с разными уровнями стабильности-нестабильности.

Рассмотрим эти состояния подробнее с точки зрения *механизмов, обеспечивающих системную упорядоченность*. Делаться это может различным способом – за счет *поддержания, коррекции, восстановления или становления нового порядка*.

Реально стабильные состояния – это те, при которых социальный порядок является почти неизблемым, социальная энтропия низкой, находится близко к нулю за левой границей энтропийного коридора (на условной шкале – промежуток 0,0 – 0,2). Динамика системы демонстрирует практически полную тождественность самой себе, речь идет о поддержании социального порядка, его самовоспроизводимости. На уровне *повседневных социальных практик* такие общественные состояния демонстрируют высокое соответствие конфигурации этих практик тем нормам и ожиданиям, которые таким порядком устанавливаются. Количество социальных маргиналов, выпадающих из этого порядка, здесь невелико и угрозы порядку они не составляют. С точки зрения мейнстримного поведения и практик, это простая, привычная жизнь.

В качестве *примера* стабильных состояний можно привести *архаические общества*, которые столетиями сохраняют внутренний порядок. Но здесь есть одна тонкость: одним из необходимых условий для длительного поддержания таких состояний является закрытость общества. Причина проста – открытость является источником роста энтропии, новые образцы порядка прежде всего на уровне повседневности размывают старые практики, дают прирост маргинальности, а, значит, прирост общей социальной энтропии. Другой пример такой стабильности – *тоталитарные системы*. Понятным является причина, по которой они тяготеют к закрытости – все та же угроза импорта энтропии.

Регулятивные механизмы, работающие в стабильных обществах – это прежде всего социальная самоорганизация, действующая через господствующую мифологию. В случае архаических обществ это верования и религии разного рода. В случае тоталитарных обществ это социальные мифы самого разного типа – коммунистического, религиозного, расового, этнического. Легенды говорят, что были общества амазонок – тоже тоталитарные, державшиеся на мифе, как теперь бы сказали, гендерном. Было ли это правдой, сказать тяжело, но теоретическая возможность данных представлений кажется вполне допустимой. Закрытость выступает в качестве одного из организационных регуляторов, поддерживающих стабильность таких обществ. Организационно это решается

в каждом случае отдельно – от «железного занавеса» до запрета общаться с иноверцами и другими «ино-». Все зависит от господствующего мифа, тем самым гасится угроза роста социальной энтропии. Позитив здесь – высокая устойчивость, негатив – низкая адаптивность и малая способность к развитию по причине отсутствия разнообразия в повседневных практиках, социальных играх и стилях. При стабильности внешних условий эта низкая энтропия – источник стабильности, при нарушении внешней стабильности (социальной, климатической, политической) – отсутствие альтернативных образцов поведения, более адекватных новым условиям.

Нестабильность первого рода. Это состояние, соответствующее уровню энтропии, который находится в названном энтропийном коридоре, в промежутке 0,2 - 0,4. Здесь возросшая общая социальная энтропия работает на рост адаптивного потенциала и, соответственно, рост возможности эволюционного развития социальной системы. Эту нестабильность первого рода у нас *принято считать стабильностью*. Она характеризует социальные системы, которые развиваются и эволюционируют без особых общественных потрясений. В таких системах наблюдается оптимальное объединение порядка и хаоса, которое и выражается в поддержании оптимального уровня социальной энтропии.

На *уровне повседневных практик* это хорошо видно на примерах возросшего разнообразия стилей и образов жизни. Разные социальные группы практикуют разное стилистическое оформление своих практик. При этом некоторые стили могут принадлежать явно маргинальным группам, что при определенных обстоятельствах может работать на системный позитив. Например, если в случае каких-то внешних или внутренних вызовов у системы не будет ресурсов поддерживать стилистически какую-то группу, то стили жизни иных групп могут оказаться необходимым поведенческим резервом. Например, в случае климатических вызовов, экономических кризисов или техногенных потрясений некоторые городские стили жизни могут оказаться под угрозой, а вот привычные практики иных групп (например деревенских) становятся адаптационной опорой для возвращения устойчивости всей системе.

Системы с неустойчивостями первого рода не боятся даже *отклонений от мейнстримного порядка социального* характера – разного рода протестов, забастовок, демонстраций и т.д. Здесь уже должны работать регулятивные механизмы организационного типа, которые проектными, рациональными, целевыми методами вполне могут отрегулировать ситу-

ацию в сторону возвращения к равновесию. При наличии достаточного энтропийного ресурса небольшой уровень всплеска нестабильности здесь вполне поддается организационной регуляцией. Главное – остаться в рамках допустимого энтропийного диапазона.

Языком системного управления эти организационные усилия можно описать как использование *механизма отрицательной обратной связи* для регуляции социального поведения на мезо- и микроуровнях социальной реальности. При всех негативных ожиданиях относительно слова «отрицательная» данный механизм как раз работает на позитив, обеспечивая стабилизацию и развитие социальной системе. Здесь еще раз важно подчеркнуть эффективность для таких состояний именно организационных механизмов регуляции. Для этого необходимо иметь в самих системных структурах те организационные (институциональные) составляющие, которые обеспечивают возможность своевременного получения сигналов обратной связи. Это, например, законы, позволяющие протестным сигналам (отрицательной обратной связи общества с центрами организационного регулирования) проявляться и быть адекватно расшифрованными (к примеру, законы, стимулирующие и поддерживающие структуры гражданского общества). С другой стороны, в реестре организационных механизмов должны присутствовать законы и социальные приемы, обеспечивающие реакцию на эти сигналы. Но речь, конечно, идет о работающих законах. При этом главной задачей регуляции оказывается поддержка уровня энтропии в пределах указанного коридора (не дать ему выйти за показатель 0,4 или уйти за черту 0,2). В последнем случае мы получим уже описанные выше проблемы – обеспечивающую устойчивость силу мономифа, ситуацию, практически не требующую организационной регуляции, но открытую угрозам неадаптивности. За чертой 0,4 названные организационные регулятивные усилия становятся недейственными. Наступает нестабильность второго рода.

Нестабильность второго рода теоретически выглядит наиболее насыщенной непривычными концептуальными поворотами, хотя о комфортности жизни в этой социальной ситуации говорить сложно. Что же происходит с социальной системой, когда она оказывается в той точке на упомянутой выше условной энтропийной оси, которая связана с отметкой 0,4 – второй границей энтропийного коридора? В этой точке проявляется вся *суть нестабильности второго рода*. Чтобы ее описать, мы должны обратиться к еще одному понятию из арсенала понятий, обслуживающих нелинейные системные модели. Это понятие *системная бифуркация*, для нас – «социаль-

ная системная бифуркация». Это понятие сейчас начинает все активнее использоваться в социологической и околосоциологической риторике. Часто в таком случае говорят о точке невозврата. Последнее является верным, но далеко не полным отражением сути этого драматического момента в жизни системы.

Пребывание в точке системной бифуркации, в состоянии нестабильности второго рода означает, что предыдущий системный порядок разрушается окончательно и необратимо. Здесь уже нельзя вести речь о восстановлении или сохранении предыдущего порядка. Это действительно *точка невозврата*. Говорить можно только о становлении нового социального порядка, а вот вариантов такого становления может быть несколько, и тут каждый отдельный случай не похож на другой. *Непредсказуемость* последующей социальной истории – еще одна характеристика состояния социума, пребывающего в точке бифуркации.

С точки зрения *механизмов социальной регуляции в состоянии нестабильности второго рода можно сказать, что* особенностью этого момента социальной истории является то, что совокупный механизм, управляющий процессами системного упорядочения и регулирующий социальное поведение, дает резкий крен в самоорганизационную сторону. Здесь наблюдается быстрое нарастание *активности самоорганизационных механизмов* социальных изменений при практической утрате эффективности организационных рычагов, отвечавших за сохранение или необходимую модификацию старого порядка. Порядок и равновесие в системе как бы рождаются заново, в достаточно драматических обстоятельствах, и происходит это за счет работы самоорганизационных механизмов становления нового порядка. Миф, игра, толпа, спонтанность, случайность – главные понятия, способные теоретически охватить этот процесс. Социальные структуры, которые при этом как бы сами собой возникают, основываются на общем мифологическом пространстве или общих правилах игры, вовлекающих членов социума в сферу своего притяжения.

Эта несубъектная риторика здесь не случайна. В каждом отдельном случае, в каждой отдельной биографии наблюдается момент, когда решение ступить в игровую и мифологическую площадку приходит как бы само собой и в результате какого-то незначительного, на первый взгляд, толчка.¹ При этом

¹ В качестве яркого примера можно привести историю одного из героев романа Фейхтвангера «Успех» [11], внезапно принявшего решение записаться в фашистскую партию после того, как он увидел в туалете аккуратно нарезанную женой газету вместо привычной туалетной бумаги. В романе обсто-

об играх я говорю не в том облегченном, до-судовом понимании, которое распространено сейчас, а в том смысле, который закладывал в это понятие Й. Хейзинга, говоря о «человеке играющем» [12]. Согласно Й. Хейзинге, даже война – это масштабная игра. Поэтому как флешмобы, так и серьезные протесты вплоть до повстанческих отрядов можно отнести к структурам игрового типа.

С точки зрения *практик повседневности, нестабильность второго рода начинается с их разрушения*, но не в локальных, а в макро-социальных масштабах. Социальные связи предельно разрушаются, круг доверия, солидарности, поддержки, надежности все более сужается. Прежние стили жизни оказываются под угрозой для значительной массы людей. Наблюдается сбой на уровне габитусов, из которых и проистекает повседневное и привычное, психосоматически закрепленное и рутинизированное [13]. В ответ на это на макроуровне наблюдается социальное брожение, спонтанно возникают и исчезают разные движения, протесты, объединения и противостояния. В этой нарастающей социальной турбулентности в точке бифуркации зарождаются те будущие социальные порядки, которые возникнут благодаря вступающим в действие *самоорганизационным механизмам социальной регуляции*.

Непрогнозируемость будущего – одна из самых важных характеристик процессов в точке бифуркации. Акцент на этом принципиально отличает теории, построенные на нелинейных системных основаниях, от теорий линейного типа. Нельзя сказать, что этот прогноз невозможен принципиально. Просто он всегда вариативен, то есть существует более одного возможного варианта развития дальнейших событий, и при этом все эти варианты являются равновероятными и закономерными. Реализуются эти варианты в виде появления и утверждения новых мифологических порядков, новых социальных мифов и новых социальных игр.

Этот момент, связанный с обращением к понятиям игры и мифа, особо сложен в плане восприятия данной теоретической модели, хотя сейчас уже появляется все больше попыток (по крайней мере на уровне экспертных оценок) рассматривать и оценивать ситуации кризисного социума именно в терминах борьбы мифологий. Подчеркну, не идеологий, которые мыслились как навязанные извне мифы,

ятельно описывается личная история героя и история страны, которые соприкасаются здесь своими кризисами. Показано, как национал-социалистический миф втягивал в себя своих адептов, оказавшихся в состоянии депривации после того, как утратил силу предшествующий имперский миф.

служащие инструментом достижения власти для субъектов создания этих мифов, а именно мифов как продуктов самоактивности среды. Во время противостояния на Майдане зимой 2013-2014 гг. и вооруженных событий на Донбассе летом 2014 года такие объяснения выглядели достаточно оригинальными, а с точки зрения данной концепции – наиболее правдоподобными [14, 15]. При этом тему идеологий нельзя отбрасывать совершенно, но можно сказать, что идеология только тогда успешна, когда она становится мифологией. А это снова вопрос связи организационных и самоорганизационных механизмов регуляции.

Если говорить об *организационной оставляющей регулятивных процессов в точке бифуркации*, то здесь очень важен следующий момент – эффективный для состояний нестабильности первого рода механизм отрицательной обратной связи перестает действовать. Как мы уже сказали, ему на смену приходит *механизм положительной обратной связи*. Положительная обратная связь означает то, что в этом состоянии высокой энтропии (а, значит, высокой социальной неуравновешенности) достаточно малого толчка в виде некоторой случайности, чтобы социальная история пошла по руслу, часто неожиданному и непрогнозируемому. И тогда самосожжения кого-то из протестующих, случайного выстрела правоохранителя может быть достаточно, чтобы хаотизация общества увеличивалась лавинообразно, а из этой лавины начали просматриваться порядки, появление которых недавно еще нельзя было предположить. Случайность, которая прошла бы незаметной во времена стабильные и нестабильные первого рода, становится судьбоносной для всей системы. Если на этой фазе где-то и может найти себе место *организационная составляющая социальной регуляции*, то именно здесь. Через малые воздействия (смоделированную флуктуацию-случайность) у нее есть возможность оседлать стихию самоорганизации и направить ее в нужное для себя русло. Но и здесь есть тонкость – варианты возможного развития не произвольны, а ограничены свойствами конкретной социальной среды, а именно тем реестром игр и мифов, который хранится в социальной исторической памяти.

Но в реальности, как правило, дела обстоят по-другому. Те структуры, чьей задачей является организационное регулирование (а в современных условиях это государство и все его подинституты), в точке бифуркации *продолжают апеллировать к рычагам воздействия, уместным в ситуации нестабильности первого рода*. В данном случае это часто выливается в попытки регулировать ситуацию силовым методом, что уже оказывается

малоэффективным средством, поскольку система вышла за пределы действенности таких организационных регуляторов. Более того, этот регулятивный механизм, который в условиях нестабильности первого рода в самом деле мог погасить процесс роста энтропии, в состояниях, близких к бифуркационным, может работать на ее дальнейшее увеличение. Именно в эти моменты становится очевидным: власть без достаточной легитимности (наличия поддержки в обществе, достаточной меры доверия, что и отвечает низкоэнтропийным общественным состояниям) неспособна успешно регулировать социальное поведение в моменты общественных обострений. Хотя иллюзии такой способности у власти чаще всего сохраняются. Последнее указывает на *пренебрежение силой социальной самоорганизации*, что всегда печально заканчивается для тех, кто так поступает. Главная их ошибка – полагать наличие конкретных социальных субъектов, стоящих за процессами самоорганизации, продолжать мыслить это формулами организационными, а, значит, стремиться урегулировать процесс через этих субъектов. Отрицание спонтанности социума, наличия самоактивности социальной среды оказывается той регулятивной ловушкой, которая и гасит такие организационные усилия.

Поскольку организационная регуляция уже не работает, то особый интерес с точки зрения системных регулятивных эффектов *в точке бифуркации* представляет вопрос *формата нового общественного порядка*, который здесь возникает, причем возникает спонтанно, самоорганизационно. Процесс становления нового порядка ведет к появлению новых незапланированных, спонтанных согласованностей *в практиках повседневности*, новых спонтанных солидарностей в обществах. В общем плане это можно описать как вхождение в новые игровые сообщества, новые мифологические пространства.

Важно подчеркнуть, что основанные на новых мифах и играх возникшие социальные порядки далеко не всегда идентифицируются их адептами как мифы или игры. Люди западной культуры склонны свои мифы и игры считать реальностью и лишь чужие квалифицировать как мифы и игры. *А точка бифуркации как раз и характеризуется острой конкуренцией мифов* – претендентов на инициаторов нового порядка. Здесь часто возникают безрезультатные попытки апеллировать к рациональности, причем не собственной, а конкурента. Ведь миф виден только чужой.

Миф, победивший в этой бифуркационной конкуренции мифов, становится *фундаментом нового порядка*, система постепенно снова переходит в состояние нестабильности

первого рода, отползая от критической точки предельной энтропии в 0,4. *Закрепление порядка организационными механизмами* – дело вновь появляющихся социальных институтов. Это то, что обычно называют институционализацией, но здесь этот процесс происходит на энтропийной границе, и поэтому – зыбок. Если не удастся оттянуть систему снова в рамки энтропийного коридора, происходит новый выход на точку бифуркации и новая борьба мифов. И тогда имеем контрреволюцию после революции, новый этап революции, новый Майдан 2,3... С точки зрения сухой теоретической абстракции, это энтропийные колебания вокруг предельной границы условного показателя в 0,4. Здесь объяснение успешности морально очень спорного феномена типа диктатуры Пиночета. Последнему удалось жесткой регуляцией сдержать лавину самоорганизации на период уменьшения социальной энтропии (за счет быстрых экономических реформ), ее вхождения в рамки энтропийного коридора и наступления социального равновесия. Такое возможно, но в ограниченных временных и энтропийных допусках. Иными словами, если реформы, ведущие к уменьшению энтропии, проводить быстро, то жесткие организационные механизмы могут сработать, если же нет, то волна самоорганизации будет еще более мощной.

Точка бифуркации – это как раз тот момент, когда может проявиться *роль личности в истории*. Возможности войти в историю для отдельного человека здесь более чем достаточно. Но эта возможность открывается для того, кто обладает смелостью, харизмой и той социальной интуицией, которая подсказывает, когда малыми усилиями можно инициировать масштабные социальные сдвиги (вчера было рано, завтра будет поздно – классическое здесь высказывание). Сделать это можно, запустив в социальную среду новую игру, новый миф, которые способны стать притягивающим для социума порядком. Вот почему точки бифуркации – моменты торжества пророков и героев. Социальная турбулентность требует мифа, который ее может упорядочить. Пророки и герои могут его предложить в харизматичной форме, так, чтобы им поверили. Но здесь снова напомним о важной проблеме, стоящей на пути видимой произвольности в использовании самоорганизации в интересах того, кто пытается заставить ее на себя работать, оседлав с помощью запускаемой мифологии. Активизировать можно лишь ту игру или миф, которые неявно уже живут в данной социальной среде, в исторической памяти, коллективных представлениях, часто неосознаваемых. Поэтому мы и говорим об активности среды, что здесь она как

бы сама из себя извлекает мифы, на которые могут опираться новые социальные порядки, вокруг которых могут образовываться новые социальные согласованности и когерентности. Человек может только инициировать это возрождение мифа.

Второй момент, открывающий возможность для личности, это организационное закрепление самоорганизационно установившегося порядка после прохождения точки бифуркации. Иными словами, момент создания новых институтов и новой власти после революционного безвластия. Технологически это поиск возможности оттягивания общества от энтропийной черты 0,4 в рамки неустойчивости первого рода. Это филигранная текель уже организационная работа. Упомянутый Пиночет – не самый гуманный вариант такого снижения энтропии. Более гуманные, а, значит, и более тонкие, требуют людей, способных работать в этой ситуации высоких рисков, иметь к ее процессам высокую чувствительность.

Но вернемся к состояниям нестабильности первого рода, к тем состояниям относительного гомеостаза, в которых пребывает большинство развитых стран. Здесь нельзя не согласиться с теми, кто считает, что *самоорганизационный механизм регуляции социального поведения в силу своей неполной спонтанности часто используется манипулятивно* и далеко не в самых прозрачных целях. Действительно, эти закономерности довольно успешно эксплуатируются сейчас в разных технологиях влияния, скажем, на потребительское поведение (мифологизация, геймизация с помощью рекламы) или на электоральное поведение (мифологизация с помощью электоральных мифов). Именно сила самоорганизационной аттракции обуславливает успешность этих технологий и, соответственно, безуспешность попыток этому противостоять с помощью рациональных аргументов. И здесь нужно обратиться к тем психологическим предпосылкам, которые лежат в основе процессов социальной самоорганизации.

Психологической основой социальной самоорганизации является непрозрачность тех выборов, которые совершаются человеком постоянно, непрозрачность для самого человека его собственного мышления и сознания. Исследования социальных психологов показывают [16], что даже при условиях полнейшей убежденности человека в том, что он делает сознательный выбор, значительная часть решений принимается на неосознанном уровне, полностью или частично под действием импульсов, которые посылает несознательное. Миф, игра накладывают ту сетку правил обращения с

миром, в данном случае социальным, которые работают именно на этих психологических глубинах. Притяжение мифа или игры, которые возникают в результате использования технологий геймизации и мифологизации, существенно влияет на поведенческие проявления человека за счет глубинности мотиваций, на которые они опираются.

Но и здесь работает все то же правило – *ограниченность манипулятивного (организационного) потенциала таких технологий*. Допустимый набор вариантов мифов и игр, способных выступить в качестве аттракторов в данном конкретном социуме, обусловлен сутью самого этого социума. И то, что легко работает и прививается в одном случае, отторгается или оставляет равнодушным другой. Образно говоря, рекламу, основанную на сюжетах мультфильмов, с детства знакомых и бессознательно впитанных, нельзя просто перенести из американской рекламной среды в нашу. Эффективным будет только то, что апеллирует именно к нашей памяти. Поэтому для тех, кто все же пытается с помощью подобных технологий использовать скрытую силу социальной самоорганизации, следует помнить – успешным может быть не навязывание произвольно сконструированного мифа или игры, а только подталкивание в сторону одного из мифов или одной из игр, находящихся в глубинах коллективных представлений. И это справедливо как для рекламных технологий, так и для масштабных политических игр.

В качестве заключения можно предложить ответ на вопрос, *что же нового* как в плане представления о социальной динамике, так и в плане выбора механизмов регуляции *дает такая концепция на фоне всего уже известного?* Все вроде бы даже и технологически уже освоено. Да, технологически освоено и успешно, но не освоено теоретически, не введено в мыслительную социологическую и социотехнологическую культуру.

Последнее может не сразу показаться справедливым: все сказанное выше, наверняка, вызвало у читателя массу ассоциаций с известными социологическими теориями, причем многими теориями. Этот список можно начать с идей об обществе (*gesellschaft*) и общине (*gemeinschaft*) Ф. Тенниса, о коммуникативности и инструментальности Ю. Хабермаса, о разных типах рациональности М. Вебера (организация и самоорганизация), о коллективных представлениях Э. Дюркгейма, с идеей этнометодологов и социальной драматургии И. Гоффмана (миф, игра в социальных процессах), теорий революции П. Сорокина, П. Штомпки, Ш. Ейзенштадта, К. Маркса (точка бифуркации), наконец, с идеей социологии культуры

Л. Ионина, играции общества С. Кравченко, культуросоциологии Дж. Александара. Думаю, к этому списку можно добавить еще многое, что для меня говорит об одном очень важном моменте – у рассматриваемого нелинейного подхода высокий интегративный потенциал. Интегративная, более общая теория не может быть получена путем суммирования предшествующих теорий, это методологически бесперспективный путь. Как показывает данный опыт, отталкиваясь от общих абстрактных идей нелинейности, можно выйти на новую теоретическую конструкцию, резонансную многому из уже хорошо известного. В качестве объяснения могу предположить следующее: эффекты нелинейности, реально присутствовавшие в социальной динамике, многими социологами фиксировались в разных концептуальных формах. С появлением общей теории нелинейных систем эти концепции могут органично объединяться под этой абстрактной «нелинейной крышей», получив новое понятийное оформление.

Хотя в качестве резонирующих идей, действительно, можно упомянуть многое, я все же хочу особо сослаться на несколько работ Юрия Левады, которые для меня в свое время стали основанием думать, что у предложенного подхода есть серьезный социологический запрос. Это ряд небольших работ, посвященных термодинамике социального перелома [17], феномену фашизма [18] и, самое главное, двум типам социального действия – функциональному и игровому [19]. Как говорят коллеги Левады, вспоминая его творчество, в этих своих идеях он видел нечто очень перспективное и фундаментальное. Позволю себе развернутую цитату из интервью Л. Гудкова. «Принципиальный тезис Левады заключается в том, что необходим *другой аппарат анализа и описания социальных явлений*. Раз все эти прошлые значения не исчезают, а присутствуют в скрытом виде, то, следовательно, они меняют функцию и свое место в организации культуры. Другими словами, скажем, наиболее архаические слои представления (регуляции) или значения (мифы, традиции, структуры сознания) в современном обществе сохраняют свою силу, но они «уходят вглубь...». Они играют очень важную роль, аккумулируя в себе самые значимые, можно сказать, базовые, экзистенциальные и фундаментальные представления. Но на поверхности они не появляются, не осознаются, хотя и становятся управляющими для других уровней организации общества и культуры» [20]. Мне кажется, самоорганизационный взгляд на социальные процессы подтверждает эти мысли ученого, предлагая этот исконный «другой аппарат».

Другой ответ на вопрос «что нового?» лежит уже в плоскости не столько научной, сколько общекультурной.

Пребывая в *мыслительной парадигме культуры модерна*, которая для классической науки является любимой *alma mater*, современная социальная наука с большой осторожностью и даже настороженностью относится к понятиям мифа и игры в арсенале понятий, описывающих закономерности социальных изменений. Это полагается уместным по отношению к архаическим обществам, но проект демифологизации, лежащий в основе культуры модерна, заставляет думать, что мифы не являются действующей силой на арене современных социальных событий.

По отношению к теме регуляции можно сказать, что речь идет о *культурно заданной привычке* отдавать пальму первенства регулятивным механизмам организационного типа, относя самоорганизационные к архаическим, как бы ушедшим в прошлое в силу необратимых формационных изменений. Но формационный подход к социальной истории – тоже культурно заданный выбор. В случае изменения культурных контуров прогнозируемым является и изменение отношения к регулятивным потенциалам названных механизмов.

Установка модерна на рациональность и демифологизацию как главные инструменты достижения социального блага не позволяют думать иначе. Но, как показывает история, благо в виде устойчивого эволюционного развития все не наступает, постоянно случаются отклонения в виде разного рода революций и войн. Попытки объяснить это случайностями, чьим-то злобным замыслом в виде конструирования зловредных идеологий или даже безумием открывают возможность не выходить из данной парадигмы: это просто был рациональный проект плохого человека, он окутал мифом множество обманутых людей. Или, наоборот, это совсем не рациональный человек оказался близко к структуре принятия решения и произошел досадный сбой. Но плохой человек уходит, и потом закономерно все повторяется. В новом месте, с другим плохим человеком и множеством обманутых людей.

Если что-то повторяется с закономерностью, то логично эту закономерность обнаружить, даже если при этом придется усомниться в том, что до этого было несомненным. Что здесь постоянно сбивает, что застает врасплох и почему поведение людей и целых народов вдруг перестает вкладываться в ожидания, сформированные верой в прогресс, рациональность, эволюционность, которые несли в себе культура модерна?

Логично предположить, что дело в самой объяснительной модели, которая использует

ся и при этом выносятся за круг допустимого сомнения. По отношению к нашей проблеме регуляции социального поведения можно сказать, что дело в том *фундаментальном образе человека*, его эталонном образце, на который ориентируется культура модерна. И, соответственно, тех ожиданиях по поводу поведения человека, которые этим образцом формируются. Главные слова здесь – рациональность, логичность, целеполагание.

Европейская мыслительная традиция, лежащие в ее основе философия и наука, заставляют полагать, что человек способен логически осмыслить всякую ситуацию принятия решения, выбрать рационально аргументированный вариант решения, поставить себе соответствующую цель и последовательно двигаться в этом направлении. Основание для таких представлений в том, что человек, действительно, способен так поступать, но проблема в том, что такая способность и возможность у него есть далеко не всегда. Это «не всегда» современная культура пыталась аннулировать проектом рационализации и демифологизации. На данный момент ситуация не выглядит так, что эта попытка удалась.

Исключительная ставка на разум как источник знания о мире, которым человек пользуется, генерируя то или иное поведение, оказалась ошибочной не в абсолютном смысле, а применительно к той социальной ситуации, которая сложилась в мире на данный момент. Это ситуация нестабильности и быстрых изменений, неизвестная для тех времен, когда культура модерна с ее установками только зарождалась. Человек рациональный, спокойно обдумывающий и принимающий решение – это человек стабильного, прогнозируемого, медленно (в сравнении с продолжительностью человеческой жизни) и линейно меняющегося общества. Этого общества уже нет, и в водовороте современных социальных процессов человек модерна не может чувствовать себя адекватно.

Именно из этого исходят в своей критике основ культуры модерна представители и идеологи постмодерной философии. Развивая очень близкую нам тему взаимного пересечения мифа и реальности, Е.Галанина в этой связи пишет: «Постмодернизм выдвигает идею деструкции разума, который больше не носит характеристики универсальности, и утверждает множество различных рациональных форм познания и освоения действительности. Разум не является единственной способностью, конституирующей образ мира, равное значение придаётся воображению, желанию, воле, бессознательному, телесности как значимым аспектам понимания природы человека» [21]. Критику логоцентризма можно найти в работах многих классиков постмо-

дерна – Р. Барта, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, С. Жижека, Ю. Кристевой, Ф. Лиотара, Р. Рортиа, М. Фуко. Для нас важен вывод: культура должна принять то, что *человек не только логичен, он и мифологичен* и все его поведение – продукт такой двойственности. Человек не только *рационален, а и играционален* (я предлагаю здесь это понятие *играциональности* умышленно, подчеркивая что противоположная рациональной логике стратегия поведения не является деструктивным отрицанием рациональности, а идет в соответствии с иной, игровой логикой). А это уже новый образ человека, идущий на смену человеку рациональному, сконструированному культурой модерна. Это человек логичный и эмоциональный, рациональный и играциональный одновременно. Большой вопрос в этом «одновременно», что для своего научного осмысления требует новых, непривычных ходов.

В русле наблюдаемой культурной тектоники, наблюдаемых культурных вызовов, *наука* переходит в свою *постнеклассическую фазу*, где многие принципы классической науки уже не работают [22, 23]. Нелинейные модели – одно из междисциплинарных направлений этой науки. Идеи, присутствующие в философии и социологии постмодерна, здесь легитимизируются на совершенно новых основаниях. В этих основаниях нет критики модерна, а есть переход от линейных моделей видения социальных процессов к нелинейным. Получаемые при этом самоорганизационные модели социальных изменений задают иное в сравнении с отстаиваемым модерном отношение к явлениям мифа, игры. Последние воспринимаются как неотъемлемая и неустраняемая часть самоорганизующейся социальной реальности, присутствующая в ней постоянно и повседневно в силу той двойственности человека, которая теперь все более утверждается новым культурно заданным образом.

Если не стремиться отказаться от *рациональности* как таковой, а попытаться *найти ее новые форматы*, то новая рациональность должна состоять не в том, чтобы продолжать оттеснять миф, игру на маргиналии культурных пространств, а в том, чтобы научиться этим пользоваться не во вред, а во благо, не в последнюю очередь – в вопросах регуляции социального поведения. Сознательно принимая свою рациональность и играциональность, человек может конструировать свои поведенческие стратегии совсем по другим образцам. Предложенные выше концепты социальной энтропии, бифуркации, типов нестабильности, энтропийного коридора, играциональности могут быть здесь, с нашей точки зрения, хорошим теоретическим подспорьем.

Литература

1. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой : пер. с англ. / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
2. Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : пер. с англ. / Герман Хакен. – М. : Мир, 1985 – 423 с.
3. Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Елена Князева, Сергей Курдюмов. М. : Наука, 1994. – 238 с.
4. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Любовь Бевзенко. – К. : Институт социологии НАНУ, 2002. – 437с.
5. Бурдье П. Структуры, habitus, практики / Пьер Бурдье. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие. – Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. – С. 17 – 26.
6. Седов Е. Одна формула и весь мир / Е. Седов. М. : Знание (Наука и прогресс), 1982. – 252 с.
7. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Е. А. Седов. Общественные науки и современность, – № 5. – 1993. – С.92 – 100.
8. Седов Е. А. Взаимосвязь энергии, информации и энтропии в процессах управления и самоорганизации // Е. А. Седов. в кн. : Информация и управление (философско-методологические аспекты) / Под ред. Л. Г. Антипенко и В. И. Кремьянского. – М. : Наука, 1985. – 286 с.
9. Давыдов А.А. Существует ли мера социальной гармонии? // А.Давыдов Социологические исследования. – №5. –1988. — С. 72-74.
10. Давыдов А. А. Модульный анализ и конструирование социума / А. А. Давыдов – М. : Институт социологии НАН, 1994. – 192 с.
11. Фейхтвангер Л. Успех / Лион Фейхтвангер. – М. : АСТ, 2009 (Сер. : АСТ-Классика).
12. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня : пер. с нидер. / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, 1992. – 462 с.
13. Бевзенко Л. Д. Стили жизни переходного общества / Любовь Бевзенко. – Киев : Ин-тут социологии НАНУ, 2008. – 144 с.
14. Карноза С. Неостанняя битва [Электронный ресурс] / Сергій Карноза. – Режим доступу : <http://www.litsa.com.ua/show/a/13569>.
15. Заводюк А. Донбасс. Война за потерянный рай [Электронный ресурс] / Алексей Заводюк. Для «Хвилі». 16.06.14. Режим доступу : <http://hvyly.org/analytics/politics/donbass-voyna-za-poteryannyiy-ray.html>.
16. Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением / Леонард Млодинов. – М. : Livebook, 2012. – 360 с.
17. Левада Ю. Динамика социального перелома: возможность анализа / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 159 – 176.
18. Левада Ю. Фашизм / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 123 – 135.
19. Левада Ю. Игровые структуры в системах социального действия / Юрий Левада. Статьи по социологии. М. : Фонд Макаруров, 1993. – С. 99 – 122.
20. Гудков Л. «Нормальная наука» и «нормальное» время? [Электронный ресурс] / Лев Гудков, Борис Дубин, Алексей Левинсон. Материалы Левада-центра, беседа. Режим доступа : <http://www.levada.ru/10-04-2014/normalnaya-nauka-i-normalnoe-vremya>.
21. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры [Электронный ресурс] / Е. В. Галанина. – М. : Академия Естествознания, 2013. – Режим доступа : <http://www.rae.ru/monographs/173>.
22. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // В. Степин. Вопросы философии, – 2003. – № 8. – С. 16 – 17.
23. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия / В. С. Степин. Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Издательский дом «Мирь», 2009. – С. 249 – 295.